

Н.Н. Ковтун доктор юридических наук, профессор;
Е.В. Сулова студент 4 курса факультета права
Государственный университет – Высшая школа экономики (Н. Новгород)

Эффективность оперативного судебного контроля¹

В контексте сравнительно-правового анализа исследуются закономерности в динамике применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России на момент действия УПК РСФСР, в период введения УПК РФ и в настоящее время. В итоге обоснован вывод о том, что ведение оперативного судебного контроля, по сути, не привело к становлению данной формы судебной защиты, как реальной процессуальной гарантии

Ключевые слова: оперативный судебный контроль, меры процессуального принуждения, ходатайства следственных органов, предмет и пределы проверки суда

e-mail: kovtunnov@mail.ru

The efficient judicial control in the Russian criminal process: in the context of statistic and comparative legal analysis

The regularities, in the development of the application of coercive measures in the Russian criminal procedure; inter alia, at the time of the Code of Criminal Procedure (C.Cr.P.) of the RSFSR operation, at the moment of the C.Cr.P. of the Russian Federation enactment and nowadays, are examined in the context of a comparative legal analysis. Therefore, it has been concluded that the enactment of the efficient judicial control did not result in the establishment of a judicial remedy in the form of an operational procedural guarantee.

Keywords: efficient judicial control; coercive measures; petitions by organs of inquiry; object and limits of the court review.

e-mail: kovtunnov@mail.ru

Одним из важнейших направлений продолжаемой в настоящее время в Российской Федерации судебно-правовой реформы заявлено создание надежной, демократической и эффективной в конечном итоге судебной системы, ядром которой, по идее, призван стать подлинно независимый и беспристрастный суд. В контексте отправления правосудия, как основной функции судебной власти, независимость и беспристрастность суда связывается, прежде всего, с

¹ Работа подготовлена при содействии научно-исследовательского гранта Фонда научных исследований ГУ-ВШЭ № 10-04-0012 «Учитель – Ученики» 2010-2011 гг.

рассмотрением по существу актов, принятых или совершенных несудебными органами. В том числе, с судебным «санкционированием» ходатайств, внесенных в суд органами уголовного преследования в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ и судебным рассмотрением жалоб на действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры (ч. 3 ст. 29 УПК), связанные с ограничением прав и свобод заинтересованных лиц (участников процесса). В данной связи огромное, если не принципиальное, значение приобретает вопрос о качестве оперативного судебного контроля, закрепленного в качестве одного из основных средств комплексного и межотраслевого института судебной защиты прав и свобод личности на досудебном этапе уголовного судопроизводства России.

По замыслу авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 года именно оперативный судебный контроль должен был стать основной и максимально надежной процессуальной гарантией обеспечения прав и свобод личности от произвольности действий и решений следственных органов и прокурора, связанных с применением мер процессуального принуждения.

Известно, что по нормам УПК РСФСР (1960) применение ряда мер процессуального принуждения, существенно ограничивающих конституционные права и свободы участников процесса, допускалось исключительно с санкции прокурора. Со временем стало очевидным, что названный процессуальный порядок не в состоянии обеспечить надежную защиту прав и свобод заинтересованных лиц, поскольку прокуратура и органы предварительного расследования, по сути, всегда были связаны едиными ведомственными показателями в работе, единой обвинительной установкой на назначение (задачи) уголовного судопроизводства, общими интересами в деле борьбы с преступностью.

Введение в 1992 году последующего судебного контроля законности и обоснованности применения следователем (с санкции прокурора) такой меры пресечения как заключение под стражу (ст. 96 УПК РСФСР)² – практически ничего кардинально не изменило в этом вопросе. Во-первых, введенная форма

² См.: Закон РФ от 23.05.1992 № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Российская газета. 1992. 17 июня.

последующей судебной проверки (ст. 220.1-220.2 УПК РСФСР) реализовывалась исключительно по жалобам заинтересованных лиц, а не в силу императивной воли закона; во-вторых, уже первые результаты ее, по сути, вновь показали телеологическую согласованность деятельности органов уголовного преследования и суда относительно предмета и пределов проверки. На эти обстоятельства неоднократно указывалось в российской уголовно-процессуальной доктрине; кроме того, подобные выводы неизбежно формировались при, действительно, объективном анализе, как материалов (реализованной) судебной проверки, так и данных официальной статистики, отражающих эту форму деятельности суда.

Соответственно задумывалось, что по нормам УПК РФ именно независимый и беспристрастный суд возьмёт на себя обязанность объективной проверки и оценки действительного наличия юридических и фактических оснований для (возможного) ограничения прав и свобод личности по внесенному в суд требованию следственных органов. Декларировалось, что, являясь органом судебной власти, будучи априори исключенным из общей системы государственных органов, ориентированных на борьбу с преступностью, именно суд сможет стать надёжным барьером на пути ведомственных интересов правоохранительных органов, будет в состоянии исключить массовое применение мер процессуального принуждения при отсутствии к тому оснований. Во многом именно с этой целью в УПК РФ были введены (сразу) несколько форм оперативного судебного контроля, реализуемых на досудебном этапе, а именно:

1. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения к обвиняемым (подозреваемым) мер процессуального принуждения, где суд по требованию следственных органов разрешает в судебном заседании ходатайства об избрании таких мер процессуального принуждения, как применение залога (ст. 106 УПК); домашний арест (ст. 107 УПК); заключение под стражу и продление срока содержания под стражей (ст. 108-109 УПК); перевод лица, содержащегося под стражей, в психиатрический стационар для производства экспертизы (ч. 1 ст. 435 УПК); временное отстранение от должности (ст. 114 УПК).

2. Судебный контроль, в рамках которого суд по ходатайству следственных органов принимает решение о законности и обоснованности производства следственных действий, указанных в пп. 4-9, 11 ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 165 УПК РФ. Этот же суд осуществляет последующий (постфактум) судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, которые реализованы по правилам, не терпящим отлагательства, и, соответственно, нуждаются в последующей судебной проверке законности и обоснованности своего производства (ч. 5 ст. 165 УПК).

3. Судебный контроль законности и обоснованности процессуальных решений и действий (бездействия) следственных органов и прокурора, вынесенных или реализованных в ходе уголовного судопроизводства и ограничивающих конституционные права и законные интересы участников процесса, которые обжалованы заинтересованными лицами в суд (ст. 125 УПК).

Вопрос о том, насколько названные формы оперативной судебной проверки действительно состоялись в качестве надежной процессуальной гарантии прав и свобод личности в уголовном процессе, стали надежной преградой от произвольности решений и действий следственных органов и прокурора, неоднократно обсуждался в российской уголовно-процессуальной доктрине. Достаточно известны работы, как отстаивающие априорную эффективность введенных форм оперативной судебной проверки, так и отражающие весьма негативные оценки данной формы деятельности суда³. Они в принципе доступны для изучения и самостоятельного анализа складывающихся на практике тенденций.

Повторяться в этих (неоднократно озвученных) моментах – не предмет данной работы. В данной связи нами поставлена цель на основе анализа обобщающих статистических данных проследить (возможные) качественные и количественные изменения в динамике применения указанных мер при инквизи-

³ См.: Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 91–94; Быков В.М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. – 2007. – № 1. – С. 35–38; Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» // (А.И. Давыдова и др.); под ред. Н.А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Право, 2009. 847 с.

ционном (тоталитарном, как объявлялось) уголовном процессе;⁴ в период введения в УПК РФ исследуемых форм судебной проверки;⁵ период, когда обществу вновь предложены тезисы о (продолжении) судебной реформы.⁶

Если обратиться к анализу статистических данных, отражающих (первые) показатели реализации оперативного судебного контроля (после введения в действие УПК РФ), налицо, прежде всего, сведения о резком сокращении ходатайств следственных органов, адресованных в суд и связанных с применением мер процессуального принуждения. К примеру, до июля 2002 года в СИЗО УИС Российской Федерации поступало ежемесячно 28-30 тыс. следственно-арестованных обвиняемых (подозреваемых). В первый месяц после вступления в силу УПК РФ их число сократилось практически вдвое – до 16 тысяч. Однако буквально в течение года показатели, характеризующие число следственных обращений и применение мер процессуального принуждения, обозначили явные тенденции к росту. Более того, с ноября 2002 года численность следственно-арестованных значительно выросла, и в СИЗО УИС РФ вновь стало поступать в среднем до 30 тыс. арестованных в месяц. В абсолютных цифрах эти показатели, к примеру, в 2003 году составили – 311,5 тыс.; в 2004 году – 328,4 тыс.; в 2005 году – 380,5 тыс. следственно-арестованных.⁷

Объяснения данной динамики достаточно очевидны. В первые месяцы применения норм УПК РФ следственные органы и прокуроры как бы «присматривались» к возможным решениям суда, принимаемым в рамках процедур оперативного судебного контроля, к принципиальности деятельности и итоговых решений суда. По сути, органы уголовного преследования (как бы) «прове-

⁴ Имеется в виду период 1993-1995 гг., т. к. именно этот отрезок времени характеризуется введением и первым опытом применения норм ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР (1960 г.).

⁵ Имеется в виду период 2001-2002 гг., поскольку этот отрезок времени позволяет наиболее наглядно сравнить динамику применения исследуемых мер с санкции прокурора и по итогам (императивно введенной) судебной проверки.

⁶ Имеются в виду 2007-2009 гг., т. к. в связи с законодательными новеллами (от 05.06.2007 ФЗ № 87-ФЗ) именно с этого периода прокурор лишен права давать согласие на внесение ходатайств в суд следователями в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Соответственно, внесение в суд подобных ходатайств уже зависит исключительно от инициативы следственных органов.

⁷ См.: Семенюк В.И. О правовом регулировании заключения под стражу // Российский следователь. – 2006. – № 10. – С. 13–16.

ряли» суд, с одной стороны, на соответствие заявленным требованиям о его новой роли в состязательном и социально ориентированном уголовном процессе; с другой, на готовность, как и ранее, активно включиться в общее дело борьбы с преступностью. Какие из ожиданий оправдались в итоге, можно наглядно проследить при объективном анализе итоговых статистических данных, отражающих исследуемую форму деятельности суда. Для примера в 1993-1995 гг., когда мера пресечения в виде заключения под стражу применялась с санкции прокурора (ст. 96 УПК РСФСР), динамика применения указанной меры (в целом по Российской Федерации) выглядела следующим образом:⁸

Диаграмма 1:

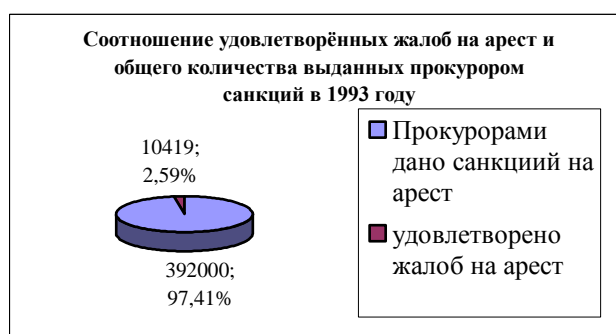

Диаграмма 2:

Как видим, в 1993 году прокурором по ходатайству следственных органов санкционировано 392 000 арестов; в 1994 году – 404 327.⁹ Из них, по жалобам

⁸ Поскольку по нормам УПК РСФСР (1960 г.) исключительно эта мера пресечения могла быть предметом последующего судебного контроля (ст. 220.1 и 220.2 УПК), мы вынужденно обращаемся к анализу только названных эмпирических данных.

⁹ Напомним, в 2004 году в абсолютных показателях в целом по Российской Федерации аналогичное решение принято судом в отношении – 328,4 тыс.; в 2005 году – в отношении 380,5

заинтересованных лиц, признано судом (в порядке ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР) незаконными (необоснованными), соответственно, – 10 419 и 13 021 решений следственных органов и прокурора. В процентном отношении это составляет 2,59% и 3,12% от общего числа применения указанной меры (процент решений, которые надо считать законными и обоснованными, таким образом, составляет примерно: 97,4% и 96,8% от общего числа избранных).

В дальнейшем число удовлетворённых судом жалоб обвиняемых (подозреваемых) на применение указанной меры держалось, в основном на том же уровне: в 1995 году судом по жалобам обвиняемых (защитника) положительно удовлетворено в порядке ст. 220.1–220.2 УПК РСФСР – 14 880 жалоб; в 1997 году – 13 172; в 1998 году – 11 121 жалоб. В процентном отношении это, соответственно, составляло (все те) же 2,5-3% решений от общего количества применяемой меры.

Для сравнения обратимся к данным, которые характеризуют динамику рассмотрения ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК) и о продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК) за 2005–2009 годы.

Диаграмма 3:

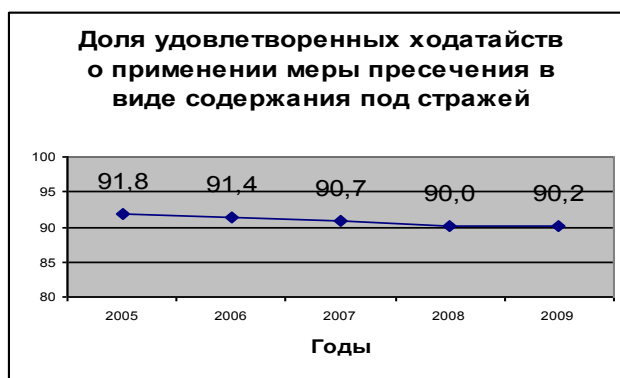

Как видим, число ходатайств следственных органов о применении исследуемой меры пресечения, удовлетворённых судами (уже в рамках независи-

тысяч следственно-арестованных. Данные, как видим, практически аналогичны, не характеризуя в целом изменения ни количественных, ни качественных подходов.

мой судебной проверки) составило: в 2005 году – 254 744 (из 277 404 внесённых в суд; или 91,8%), в 2006 году – 249 479 (из 272 943 или 91,4%), в 2007 году – 223 412 (из 246 348 или 90,7%), в 2008 году – 207 245 (из 230 182 или 90%), в 2009 году – 194 399 (из 215 506 или 90,2%). В общем виде данное соотношение (для наглядности) можно представить и следующим образом:

График 1:

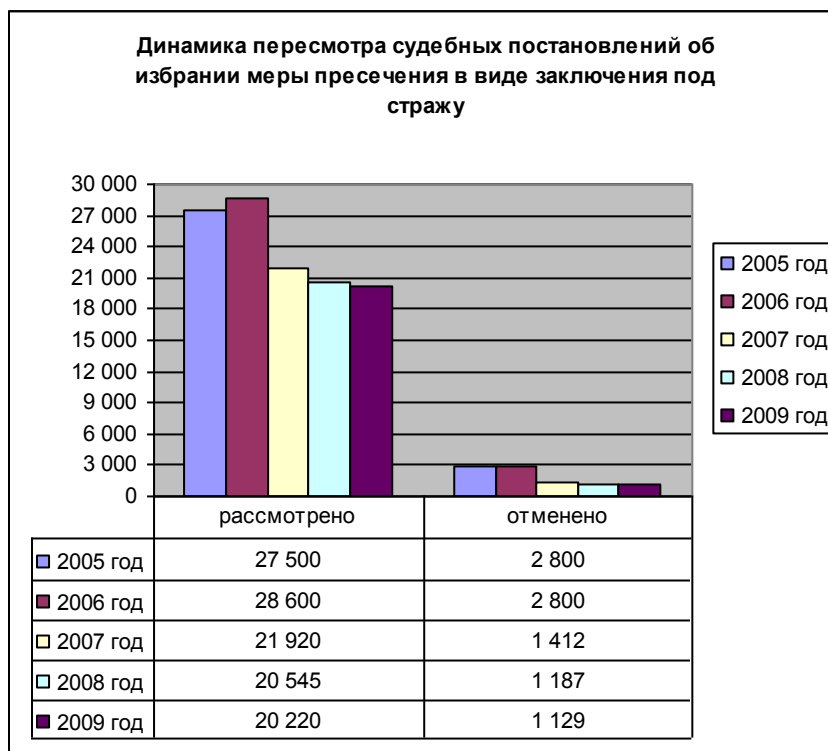
По идее, обращает на себя внимание незначительное снижение числа удовлетворённых ходатайств в 2008-2009 гг. Объяснение этому – повышенное и неоднократно публично озвученное внимание к складывающимся тенденциям применения исследуемой меры пресечения со стороны высших руководителей Российской Федерации. Неоднократные «призывы» Президента РФ и Премьер-министра РФ к более сдержанному применению указанной меры, особенно, по делам об экономических преступлениях, не могли не сказаться на динамике ее применения. В итоге, весьма незначительное, по сути, снижение (на несколько десятых процента), как вносимых в суд ходатайств, так и их числа удовлетворённых судом обусловлено в целом сугубо политическими, а не уголовно-процессуальными, факторами. Есть основания полагать, что такого рода снижение будет прослеживаться и в будущем. Причем, скорее всего, по тем же факторами субъективного характера, никак не связанным с кардинальным (качественным, по сути) изменением характера деятельности (подходов) суда, реализующего данную форму судебного контроля.

Приведённые данные свидетельствуют также о том, что ситуацию никоим образом не изменило принятие закона от 05 июня 2007 года №87-ФЗ, по правилам которого согласие на внесение (исследуемых) ходатайств в суд сле-

дователи стали получать у своего непосредственного руководителя следственного органа, а не у прокурора. Суды как удовлетворяли порядка 90-91% вносимых ходатайств, так этот показатель в целом и сохранился.

Количественные и качественные тенденции признания судами априорной законности и обоснованности применения указанной меры объективно прослеживаются и в кассационной инстанции.

Диаграмма 4:

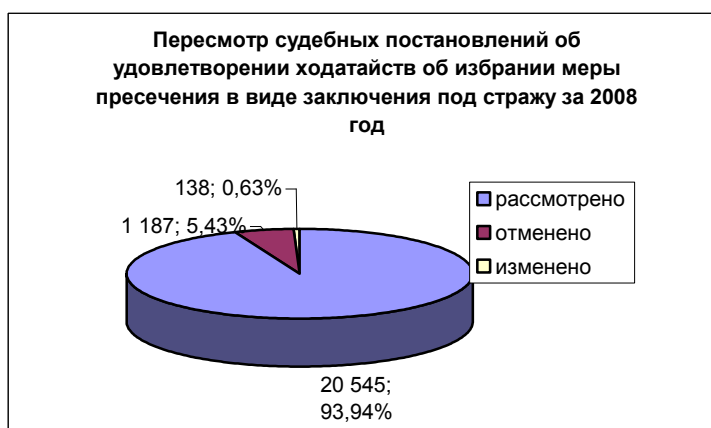
Например, в 2007 году (в целом по Российской Федерации) удовлетворено 223 412 ходатайств о применении к обвиняемым исследуемой меры (ст. 108 УПК), из них обжаловано в суд кассационной инстанции 21 920 состоявшихся судебных решений (ч. 11 ст. 108 УПК). Из числа обжалованных судом кассационной инстанции отменено – 1 412 решений, что составляет 0,63% от общего числа удовлетворённых ходатайств и 6,02% от числа обжалованных; изменено – 111, что составляет 0,47% от числа обжалованных.

Диаграмма 5:

В 2008 году удовлетворено 207 245 (исследуемых) ходатайств следственных органов, из них обжаловано – 20 545. Из обжалованных отменено – 1 187 состоявшихся судебных решений, что составляет 0,57% от общего числа удовлетворённых ходатайств и 5,43% от числа обжалованных; изменено – 138 решений, что составляет 0,63% от числа обжалованных.

Диаграмма 6:

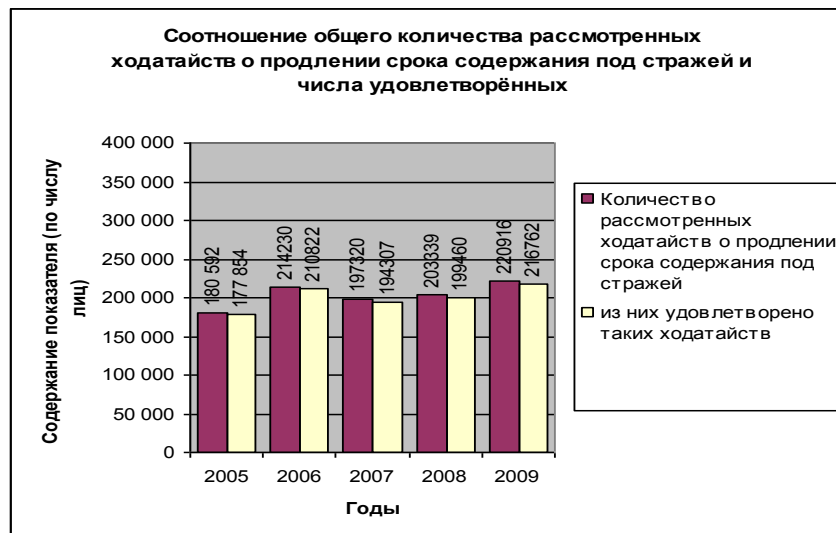
В 2009 году удовлетворено – 194 399 ходатайств, из них обжаловано 20 220. Из них отменено – 1 129 решений, что составляет 0,58% от общего числа удовлетворённых ходатайств и 5,23% от числа обжалованных; изменено – 236 решений, что составляет 1,09% от числа обжалованных.

Диаграмма 7:

Таким образом, суды кассационной инстанции, как видим, в целом солидарны с судами, реализующими данную форму оперативного судебного контроля (ст. 108 УПК), по сути, безоговорочно подтверждая в большинстве обжалованных случаев законность и обоснованность применения указанной меры пресечения по отношению к обвиняемым (подозреваемым). Ещё более показательны исследуемые тенденции в деятельности суда по проверке ходатайств следственных органов, связанных с разрешением вопроса о продлении срока содержания обвиняемых под стражей (ст. 109 УПК):

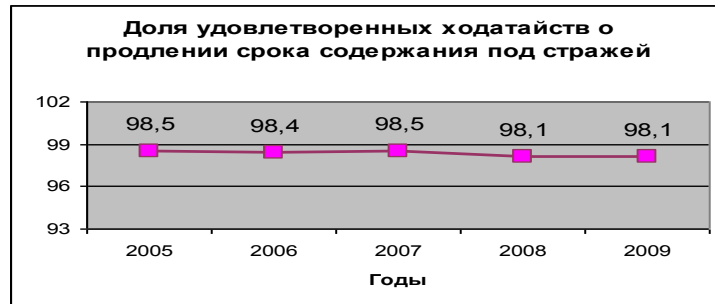
Диаграмма 8:

Из приведенных данных следует, что количество ходатайств следственных органов о продлении срока содержания под стражей (ст. 109 УПК), удовлетворённых судами составило: в 2005 году – 177 854 (из 180 582 внесённых), в 2006 – 210 822 (из 214 230), в 2007 – 194 307 (из 197 320), в 2008 – 203 339 (из

199 480), в 2009 – 216 762 (из 220 916). В процентном отношении доля удовлетворённых судами ходатайств в рамках реализации данной формы контроля уже на уровне 98-99% (данные для наглядности приведены в графике):

График 2:

Для примера, проследим динамику применения («санкционирования» судом) такой меры пресечения как домашний арест.¹⁰

В порядке ст. 107 УПК РФ (в целом) в суды Российской Федерации было внесено: в 2007 году – 207 подобных ходатайств (из них удовлетворено – 205), в 2008 – 101 (удовлетворено – 88), в 2009 – 164 (удовлетворено – 146).

Диаграмма 9:

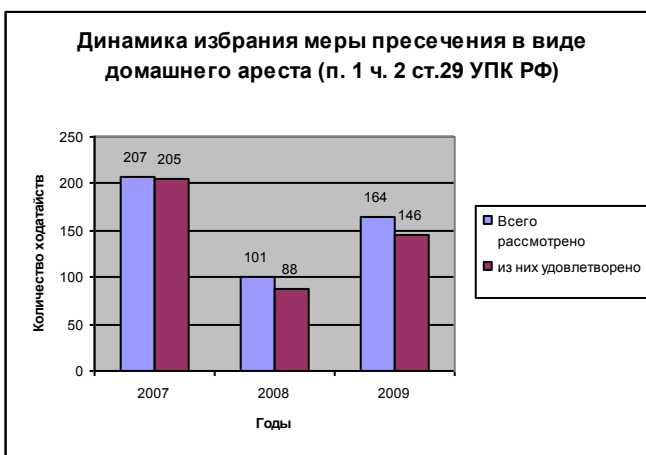

График 3:

Как видим, тенденции в удовлетворении данных ходатайств следственных органов, по сути, аналогичны, ранее рассмотренным по ст. 108 УПК РФ.¹¹

¹⁰ Несмотря на то, что в целом по России названные ходатайства (пока) единичны, для нас на данном этапе первостепенную роль играют именно закономерности деятельности суда.

¹¹ В 2007 году удовлетворено практически 100%; в последующие два года – порядка 90% внесённых в суд ходатайств, что вполне соотносимо с приведёнными выше данными, касающимися избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подтверждают складывающиеся тенденции (к формализации процедуры проверки) и статистические данные, характеризующие практику в деле обеспечения прав и свобод личности, при реализации судом такой формы судебного контроля, как принятие судом по требованию следственных органов решения о законности и обоснованности производства следственных действий, указанных в пп. 4–9, 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. В том же ряду, отметим, последующий судебный контроль, реализуемый по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Приведём данные по каждому из (официально) регистрируемых оснований.

Динамика производства **осмотра жилища** при отсутствии согласия проживающих в нём лиц, обыска и (или) выемки в жилище (пп. 4, 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) характеризуется следующими показателями. В 2007 году судами Российской Федерации было рассмотрено 137 043 (подобных) ходатайства следственных органов о производстве следственных действий, требующих судебного «санкционирования», из них удовлетворено 133 485. В 2008 году из рассмотренных 140 268 удовлетворено – 136 630 ходатайств; в 2009 году производство осмотра жилища, обыска, выемки в жилище было разрешено в 145 952 случаях (из 150 636), что в процентном отношении составляет соответственно в 2007-2008 гг. – 97,4% и 96,9% в 2009 году.

Диаграмма 10:

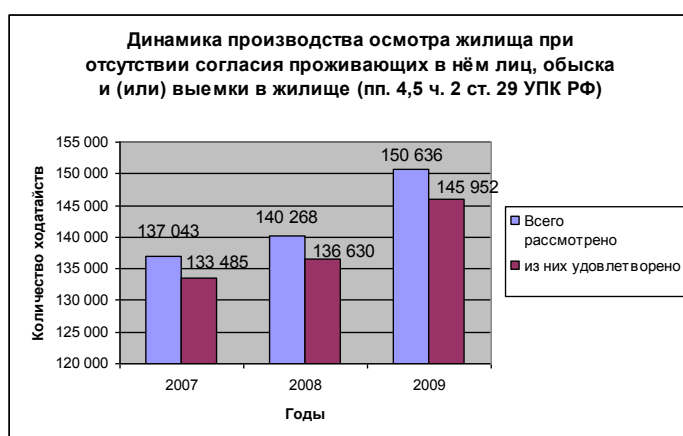

График 4:

Как видим, прослеживается не только (завидная) стабильность в удовлетворении внесенных в суд ходатайств, как и в ранее представленных случаях, но и достаточно значительный количественный рост самого числа вносимых следователями ходатайств, связанных с данным ограничением.

Аналогичные закономерности наблюдаются при разрешении ходатайств следственных органов об установлении **контроля записи телефонных и иных переговоров** (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК). За период с 2007 по 2009 гг. по данному основанию (всеми) судами Российской Федерации удовлетворено: в 2007 году – 76 346 ходатайств (из 79 698 рассмотренных), что составляет 95,8%; в 2008 году – 105 035 (из 107 493) или 97,7%; в 2009 году – 130 083 (из 132 821) или 97,9% от общего числа внесенных в суд ходатайств подобного рода.

Диаграмма 11:

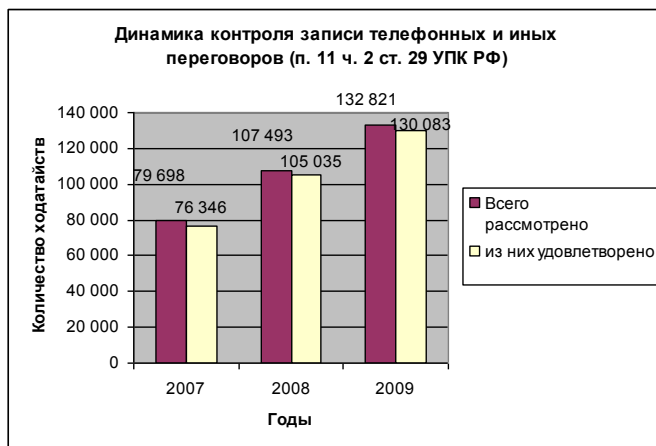

График 5:

Что касается производства **личного обыска**, как следственного действия (п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК), то здесь показатели «санкционирования» судом таковы:

Диаграмма 12:

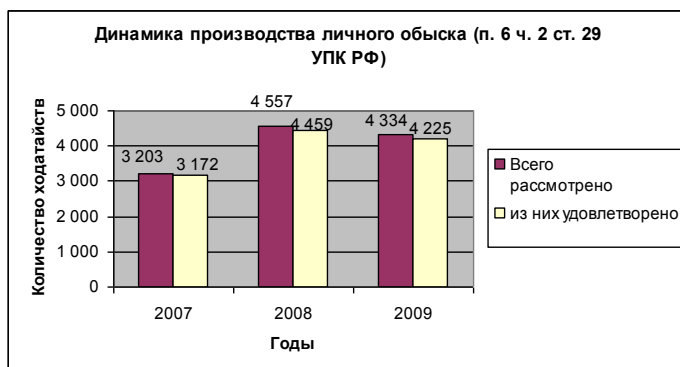

График 6:

В 2007 году судами Российской Федерации удовлетворено 3 172 ходатайства следственных органов из 3 203 рассмотренных (или 99%). В 2008 году из 4 557 рассмотренных – удовлетворено 4 459 (97,9%). В 2009 году из рассмотренных судом 4 334 ходатайств, удовлетворено судом – 4 225 или 97,5%.

Значительным ростом числа внесённых ходатайств и доли их удовлетворения судом характеризуется также практика реализации судебного контроля по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ – производство **выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях.**

Диаграмма 13:

График 7:

Как видно в 2007 году судом по данному основанию было рассмотрено 27 675 ходатайств, из них удовлетворено – 26 844 или 97%. В 2008 году данные показатели составили 51 779 и 50 547, соответственно, или 97,6% удовлетворенных. В 2009 году показатели составляют – 66 691 внесенных и 65 401 удовлетворенных ходатайств или 98% (от общего числа испрашиваемых).

Аналогичные тенденции прослеживаются при рассмотрении ходатайств о **наложении ареста на корреспонденцию, разрешении её осмотра и выемки в учреждениях связи** (п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК). В 2007 году судами было удовлетворено 95,1% подобных ходатайств (6 983 из 7 342 внесенных в суд), в 2008 году – 98,3% (14 686 из 14 936), в 2009 году – 97,9% (16 701 из 17 068).

Диаграмма 14:

График 8:

Динамика **наложения ареста на имущество**, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК) также подтверждает выявленную нами закономерность почти 100% удовлетворения судом вносимых следственными органами ходатайств.

Диаграмма 15:

График 9:

Так, судами Российской Федерации в 2007 году было удовлетворено 7 909 ходатайств следственных органов о наложении ареста на имущество из рассмотренных 8 834, что составило – 89,5%. В 2008 году из 10 798 внесенных в суд ходатайств было удовлетворено 9 696 (89,8%). В 2009 году из 12 285 ходатайств – удовлетворено 10 809 или 88%.

Свидетельствуют ли приведенные показатели о том, что действительно в каждом из указанных случаев ходатайство следственных органов, служащее предметом проверки и оценки суда, было настолько законным и обоснованным, что суд объективно не мог вынести иного решения?

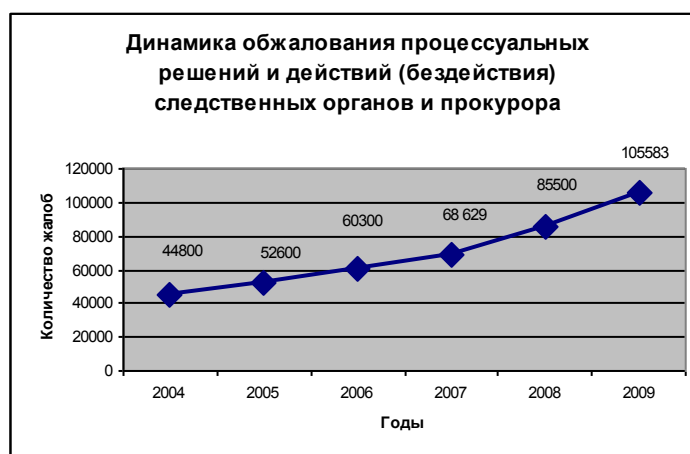
Результаты ряда исследований – свидетельствуют об обратном. При этом исследователи, ставящие под сомнение эффективность деятельности суда в рамках оперативного судебного контроля, указывают, прежде всего, на фактическую необоснованность вносимых в суд ходатайств следственных органов, на бесспорные нарушения в деятельности суда, реализующего ту или иную форму судебной проверки.¹²

¹² См., напр.: Курченко В.Н. Судебный контроль за производством отдельных следственных действий // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 43; Ковтун Н.Н. Оперативные судебно-

Нас могут упрекнуть в субъективности и тенденциозности указанных выводов, в (полной) неосновательности сомнений и итоговых выводов относительно качественной составляющей деятельности суда при реализации исследуемых форм судебной деятельности. Обратимся в данной связи к статистическим данным, которые характеризуют диспозитивную форму судебного контроля, инициируемую волей частных заинтересованных лиц.

Рассмотрим уровень обжалования процессуальных решений и действий (бездействия) следственных органов и прокурора, ограничивающих конституционные права и законные интересы участников процесса, поставленных на проверку суда именно жалобой частных, заинтересованных в судебной защите лиц. Известно, что именно количественные и качественные показатели подобного обжалования и результаты из разрешения судом составляют сущность и содержание оперативного судебного контроля, реализуемого на досудебном этапе по правилам ст. 125 УПК РФ.

График 10:

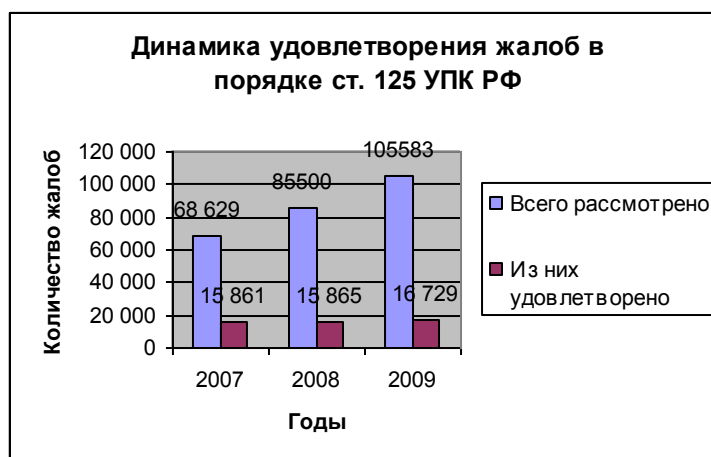

Как видим, по представленным данным прослеживается стремительный рост поступающих в суды жалоб частных заинтересованных лиц, полагающих, что процессуальные действия или решения следственных органов не соответствуют требованиям закона или фактической обоснованности их совершения. Указанный факт также свидетельствует о нарастающем обращении заинтересо-

ванных лиц за защитой своих нарушенных интересов, конституционных прав и свобод именно к суду, как гаранту обеспечения указанных прав посредством реализации данной формы контроля.

Результаты рассмотрения поданных жалоб (по существу) за последние годы указывают, что, к примеру, в 2007 году 23% процессуальных решений, действий (бездействия) следственных органов или прокурора были признаны судом незаконными (из 68 629 жалоб – удовлетворено 15 861). В 2008 году признано незаконными – 18,5% (из 85 500 удовлетворено 15 865), в 2009 – 15,8 (из 105 583 удовлетворено 16 729). Другими словами, в 2007 году практически каждое 4 процессуальное решение или действие следственного органа или прокурора было признано судом незаконным или необоснованным, в 2008 – каждое 5-е, в 2009 – каждое 6-е. Рассмотрим это в динамике:

Диаграмма 16:

Таким образом, приведенные данные резко контрастируют с данными (об аналогичной по сути деятельности суда), исследованными в отношении ст. 108-109, пп. 4-9, 11 ч. 2 ст. 29, ст. 165 УПК РФ, где судом в среднем признаются законными и обоснованными до 90-94% ходатайств следственных органов о применении к обвиняемым мер процессуального принуждения (ст. 108-109 УПК) и до 94-98% ходатайств о производстве следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права и свободы личности (ст. 165 УПК).

Кроме того, рядом исследователей указывается, что при более объективном анализе деятельности суда в рамках данной формы контроля доля удовлетворенных жалоб потенциально возрастает до 35-40%.¹³

Причины подобного положения дел в том, что из официальной статистики, отражающей результаты данной формы контроля, субъективно исключены данные, где производство по жалобам прекращается до их разрешения судом по существу. Например, в таких случаях, как отзыв жалобы заявителем до ее разрешения по существу, отсутствие предмета судебной проверки (обжалуемое решение отменено прокурором или руководителем следственного органа, истечение сроков давности уголовного преследования), передача уголовного дела для рассмотрения по существу в суд первой инстанции¹⁴.

Наконец, как свидетельствуют результаты тех же исследований, суд по сути отказывается разрешать по существу жалобы заявителей на отказ следователя в производстве необходимых следственных или процессуальных действий, т. к. в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Формально соответствуя закону, названные решения объективно препятствуют праву заинтересованных лиц на судебную защиту нарушенных прав, на разрешение спора по существу независимым органом судебной власти. В итоге, если суммировать и эти данные, доля незаконных или необоснованных действий и решений следственных органов и прокурора, по данным ряда исследователей, возрастает до 40-45%. Соответственно, практически каждое второе дей-

¹³ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): учебно-практическое пособие / 2-е изд., дополн. и изм. // Н.Н. Ковтун, Р.В. Ярцев. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. 152 с.

¹⁴ Определенная роль в снижении названных показателей отведена и тем положениям пленума Верховного суда РФ, в соответствии с которыми судья (уже) императивно обязан в рамках подготовительных действий к судебному заседанию проверить критерии приемлемости поданной жалобы к ее рассмотрению по существу в порядке ст. 125 УПК РФ. Это, в свою очередь, позволяет еще более манипулировать данными о числе поданных и удовлетворенных заявителями жалоб. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1 от 10.02.2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2010.

ствие или решение следственных органов (потенциально) может быть признано судом незаконным или необоснованным. В данной связи (контексте задач и предмета исследования) возникает ряд достаточно закономерных вопросов:

1. Почему в порядке ст. 125 УПК РФ официально – до 20%; фактически – до 40% процессуальных решений и действий следственных органов и прокурора либо прямо признаются судом незаконными (необоснованными) либо являются таковыми потенциально? В то же время и теми же управомоченными судами по ст. 108-109 или ст. 165 УПК РФ до 90-98% аналогичных, по сути, ходатайств (решений) следственных органов, напротив, удовлетворяются судом; признаются по итогам «контроля», безусловно, законными и обоснованными?

2. Являются ли (в контексте сложившихся закономерностей) оперативные формы судебной проверки, предусмотренные нормами ст. 108 и 165 УПК РФ, действительно надежными средствами (гарантиями) обеспечения интересов, прав и свобод заинтересованных лиц или суд, как и ранее, объективно включен в общий государственный механизм «борьбы» с преступностью? Соответственно, не столько осуществляет независимый судебный контроль законности и обоснованности, подлежащих проверке ходатайств следственных органов, сколько, по сути, «штампует» решения о применении мер процессуального принуждения, как это ранее делали органы прокуратуры.

Представляется, что оперативный судебный контроль, задуманный в Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991) и (в основных своих положениях) нормативно воплощённый в жизнь в УПК РФ (2001) в силу целого ряда субъективных и организационных моментов деятельности суда, так и не стал надежной процессуальной гарантией интересов, прав и свобод личности, в которой так нуждаются участники уголовного судопроизводства и российское общество в целом. Принципиально и то, что «косметические» поправки в закон ничего не изменят в этом вопросе, поскольку вопрос о независимом и эффективном следственном судье («судье за арестами...») надо решать на основе кардинально иных нормативных и организационных моментов осуществления этого вида судебной деятельности.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА АВТОРА

Ф.И.О.	Ковтун Николай Николаевич
---------------	---------------------------

Дата рождения:	21 мая 1957 года
-----------------------	------------------

Телефон (рабочий и домашний):	т. раб. 416-95-35; сот. 89056618573.
E-mail:	kovtunnov@mail.ru

Место работы, должность:	Нижегородский филиал Государственного университета – Высшей школы экономики; 603155, г. Н. Новгород, ул. Б. Печерская 25/12 профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Ученая степень (если есть):	доктор юридических наук, профессор

Паспортные данные

№ паспорта:	22 05 №745655
--------------------	---------------

выдан: (с указанием кода подразделения)	УВД Советского района г. Нижнего Новгорода, 02.08.2006
--	---

Адрес регистрации: (с указанием индекса)	603134, г. Нижний Новгород, ул. Белинского д. 87. кв. 67.
---	---

Адрес проживания: (с указанием индекса)	603136, г. Нижний Новгород, ул. А. Хохлова д. 5. кв. 30.
--	--

ИНН:	5 2 6 0 1 7 6 4 8 7 0 3
-------------	---

Страховое свидетельство ПФР:	055 – 350 – 114 – 26
---	----------------------

Реквизиты банка

Название:	Нижегородское отделение ВВБ СБ РФ г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 3 № 7/0540
------------------	--

ИНН:	7 7 0 7 0 8 3 8 9 3
-------------	---------------------------------------

Расч/счет:	3 0 3 0 1 8 1 0 8 4 2 0 0 0 6 0 4 2 0 5
-------------------	---

Кор/счет:	3 0 1 0 1 8 1 0 9 0 0 0 0 0 0 0 6 0 3
------------------	---

БИК:	0 4 2 2 0 2 6 0 3
-------------	-----------------------------------

Л/счет:	4 2 3 0 6 8 1 0 6 4 2 0 5 0 0 5 8 6 1 2 / 3 4
----------------	---

